

Жанры речи. 2024. Т. 19, № 4 (44). С. 327–337

Speech Genres, 2024, vol. 19, no. 4 (44), pp. 327–337

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-4-44-327-337>, EDN: NVISHD

Научная статья

УДК 316.334.56+811.161.1'38

Жанровая специфика вандажных графических повреждений городского пространства

М. Р. Бабилова[✉], О. В. Кружкова

Уральский государственный педагогический университет, Россия, 620091, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26

Бабилова Марина Рашитовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, mrbabikova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0814-5936>

Кружкова Ольга Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и конфликтологии, заведующий лабораторией перспективных социосредовых исследований, galiat1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0814-5936>

Аннотация. Визуальное пространство современного города и любого другого населённого пункта очень разнообразно и насыщено полезными элементами: вывесками, указателями, дорожными знаками, афишами, названиями улиц. При этом встречаются фрагменты, меняющие облик улиц в отрицательную сторону, в данном случае речь идет о графических повреждениях городского пространства. В настоящем исследовании предпринята попытка описания жанровых характеристик графических повреждений городского пространства (несанкционированных граффити). Актуальность заявленной темы определяется значимостью изучения различных видов бытовой письменной-речевой деятельности в рамках пространства города. Обращает на себя внимание специфика граффити как объекта лингвистических исследований. Будучи неоднозначной частью городского пространства, графические повреждения зачастую не до конца изучены, а между тем имеют существенный прагматический потенциал, способный оказывать влияние на мнение горожан. Таким образом, целью исследования является описание графических повреждений, учитывающее весь спектр экстралингвистических и лингвистических компонентов жанра. В основу работы положен описательный метод исследования, а основой методики описания жанра является модель комплексного коммуникативно-типологического описания естественной письменной русской речи, предложенная Н. Б. Лебедевой и адаптированная под задачи настоящего исследования. Таким образом, в статье представлено описание аспектов рассматриваемого жанра через ряд характеристик: 1) автор, 2) цель, 3) адресат, 4) содержание, 5) коммуникативное время, 6) языковое воплощение, 7) социальная оценка 8) когнитивная доминанта жанра.

Ключевые слова: речевой жанр, жанровая модель, графические повреждения, вандализм, граффити, естественная письменная русская речь

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 23-28-01487), <https://rscf.ru/project/23-28-01487/>.

Для цитирования: Бабилова М. Р., Кружкова О. В. Жанровая специфика вандажных графических повреждений городского пространства // *Жанры речи*. 2024. Т. 19, № 4 (44). С. 327–337. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-4-44-327-337>, EDN: NVISHD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Genre specificity of vandal graphic damage to urban spaces

M. R. Babikova[✉], O. V. Kruzhkova

Ural State Pedagogical University, 26 Kosmonavtov Av., Ekaterinburg 620091, Russia

Marina R. Babikova, mrbabikova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0814-5936>

Olga V. Kruzhkova, galiat1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0814-5936>

Abstract. The visual space of a modern city and any other populated area is very diverse and rich, both with useful elements: signs, road signs, posters, street names, etc., and with the elements which change the appearance of streets in a negative way, namely the graphic damage to urban space or unauthorized graffiti, which is in the focus of this paper. The relevance of the present study is determined by the significance of studying various types of everyday written and speech activities within the city space. The specificity of graffiti as an object of linguistic research is noteworthy. Being an ambiguous part of urban space, graphic damage is often not fully studied, but nevertheless has significant pragmatic potential that can influence the opinion of citizens. Thus, the purpose of the study is to describe graphic damage, considering the entire range of extralinguistic and linguistic components of the genre. The work is based on a descriptive research method, and the basis for the methodology for describing the genre is the model of a complex communicative-typological description of the natural written Russian speech, proposed by N. B. Lebedeva and adapted to the objectives of this study. Thus, the article presents a description of aspects of the genre under consideration through a number of characteristics: 1) author, 2) purpose, 3) addressee, 4) content, 5) communicative time, 6) linguistic embodiment, 7) social assessment 8) cognitive dominant of the genre.

Keywords: speech genre, genre model, graphic damage, vandalism, graffiti, natural written Russian speech

Acknowledgments. The research was supported of the Russian Science Foundation (grant No. 23-28-01487), <https://rscf.ru/project/23-28-01487/>.

For citation: Babikova M. R., Kruzhkova O. V. Genre specificity of vandal graphic damage to urban spaces. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 4 (44), pp. 327–337 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-4-44-327-337>, EDN: NVISHD

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Жанровый репертуар современного городского пространства многолик и неоднороден. Представляется, что в городском пространстве можно выделить два направления: 1) условно полезная коммуникация, включающая рекламные вывески, информационные блоки, эстетические компоненты и пр.; 2) коммуникация, приобретающая черты деструктивного содержания, способного влиять на настроения горожан, мнение и поведение. Речь в настоящем исследовании пойдет о жанре граффити и именно несанкционированном графическом повреждении, что в работе будет представлено как графический вандализм.

Городская среда – пространство коммуникации. Одним из инструментов выражения собственного мнения, отношения, позиции является вандально нанесенные граффити, которые по сути являются заявлением, претензией на управление пространством города как в его материальном выражении (изменение, искажение, деформация городского объекта [1]), так и в социальном (маркирование пространства социальными сообществами, управление социальными настроениями, изменение сценариев взаимодействия [2]), или же в информационном (создание сообщений, выполняющих роль слабоструктурированных стимулов для формирования индивидуальных метафор).

С точки зрения лингвистической парадигмы граффити рассматриваются в качестве проявлений естественной письменной рус-

ской речи (далее – ЕПР). В исследованиях Н. Б. Лебедевой это обосновывается спонтанностью изложения. Ученый также отмечает, что «определённая подготовленность текста в какой-то мере может иметь место» [3: 5], этот тезис проявляется в выборе определённых языковых средств для реализации задуманного. Отнесенность граффити к ЕПР обусловлена отсутствием заказного характера, автор граффити выполняет свою волю, реализует свои интенции, акт вандализма совершается под влиянием возникшего внутреннего убеждения [3]. Несанкционированными граффити выражается протест, противостояние принципам, существующим в современном обществе [4]. При этом невольным созерцателем результатов графических повреждений выступают все горожане, принимая на себя роль «неподготовленного зрителя», видящего вандальные преобразования среды, но не обязанного их трактовать с учетом задумки автора или пиетета к заложенным смыслам [5].

Основная часть (теоретические основания исследования)

В данной статье предпринята попытка анализа жанра несанкционированного граффити как единицы естественной письменной русской речи. «Структура огромного количества жанров хранит память о своем генезисе из архаических жанров. Ядро жанра сохраняется под слоем всяческих новообразований» [6: 84]. Говоря о граффити, мы легко можем переместиться в прошлое, когда наши предки использовали стены для передачи какой-ли-

бо информации, сегодня же задачи граффити не изменились: с их помощью также осуществляются акты коммуникации, направленные на обмен мнениями, на выражение эмоций, на трансляцию информации и т. д. И тогда, как и сейчас, рассматриваемый жанр имел определенную структуру. Каждый жанр, в том числе «новорожденный», постепенно формирует свою память – это память об устойчивой системе условностей, посредством которой произведение превращается в целостную модель мира [6: 85].

Прежде всего, необходимо определить содержание понятия граффити. Вслед за А. И. Белкиным мы подразумеваем под граффити «любой знак, надпись, изображение, выполненные с помощью руки на объектах частной и общественной собственности, которые носят не институционализированный характер» [7: 23]. В центре внимания нашего исследования сосредоточены только несанкционированные граффити, это важный момент, играющий роль при описании жанра. Также обозначим, что граффити относятся к семиотически осложненным текстам – креолизованным. Потенциал креолизованных текстов высоко оценивается в научном дискурсе за счет включения визуальной информации: «восприятие визуального образа требует совершенно иных логических операций по сравнению с письменным текстом или устным словом, что снижает критичность мышления, так как картинка дается в целостности одновременно, ярко и броско, не требуя долгого вчитывания и размышления» [8: 186]. Граффити – это «синтез вербальных и невербальных средств», что способствует формированию информационной емкости и усилению прагматического потенциала креолизованного текста [9: 29].

В научном дискурсе представлены исследования, посвященные граффити с точки зрения психологии, социологии, культурологии, этнографии и пр. Привлекает внимание исследовательский опыт в области лингвистики – это работы М. Б. Ворошиловой, А. А. Демина, Т. И. Доценко, Н. Б. Лебедевой, Н. И. Тюкаевой С. С. Шляховой и др. Н. И. Тюкаева описывает жанр студенческого граффити с опорой на интегральные и дифференциальные признаки естественной письменной русской речи как особого целостного объекта и совершенно правомерно указывает на то, что «естественная письменная русская речь в экстралингвистическом аспекте демонстрирует феномен повседневности, который формирует определённый массив культурных, витальных, социальных ценностей, как правило, противопоставленных обществом «элитарным» нормам» [10]. В ис-

следованиях Т. В. Алтуховой [11] приводятся результаты сопоставительного анализа жанра граффити и жанра записи на электронной стене в социальной сети. Материал позволяет определить дифференциальные признаки смежных форматов трансляции информации.

Материал и методика исследования

Материалом настоящего исследования послужили фотографии графических повреждений, собранные в пределах крупных городов РФ, всего проанализировано более 2000 единиц.

Основной метод исследования, используемый нами – описательный. Основой методики описания жанра является модель комплексного коммуникативно-типологического описания ЕПР, предложенная Н. Б. Лебедевой и включающая следующие параметры: 1) автор (кто?); 2) цель – коммуникативно-целевой фациент (зачем?); 3) адресат (кому?); 4) знак – диктумно-модусное содержание (что?); 5) фациент «ход коммуникации»; 6) субстрат – материальный носитель знака (на чем?); 7) графико – пространственный параметр знака (как?); 8) среда коммуникации (где?); 9) коммуникативное время – время восприятия знака (когда?); 10) орудие и средство (чем?); 11) носитель субстрата (в чем? на чем?); 12) фациент «социальная оценка» [12: 7].

Предложенная методика пофакторного анализа речевого жанра естественной письменной речи была адаптирована под задачи нашего исследования. Таким образом, некоторые элементы были исключены: материальный носитель знака (на чем?); графико-пространственный параметр знака (как?); среда коммуникации (где?); орудие и средство (чем?); носитель субстрата (в чем? на чем?). Усекаемые позиции находят свое отражение в определении феномена граффити: это всегда надпись, изображение и пр. нанесенное на объекты городского пространства; предметы чьей-то собственности; нанесенные маркерами, краской или же выцарапанные острыми предметами. Вандальным повреждениям могут быть подвержены различные объекты городского пространства, частной собственности. При изменении одного из аспектов суть граффити меняется. Описание граффити с учетом остальных критериев позволяет также исчерпывающе представить описываемый жанр. Кроме того, описывая жанр граффити, мы предлагаем учитывать фактор языкового кода и включить пункт описания когнитивной доминанты рассматриваемого жанра. В результате описание жанра графических повреждений городской среды видится нам с опорой на следующие параметры: 1) автор (кто?); 2) цель (зачем?);

3) адресат (кому?); 4) содержание (что?); 5) коммуникативное время (когда?); 6) языковое воплощение; 7) социальная оценка; 8) когнитивная доминанта жанра.

Результаты

Автор (кто?) Традиционно считается, что вандальное поведение характерно представителям молодежи и подросткам. Однако граффити на улицах создаются и авторами старших возрастных категорий (30–45 лет). И если подростки, юноши, в большинстве своем не являясь уличными художниками, наиболее часто используют тегирование как заявление о себе, в старших возрастных группах среди создателей граффити преобладают райтеры, чьи послания семантически более сложны и многообразны, обращены к зрителю (читателю), но при этом не диалогичны по отношению к нему. Тег сам по себе несет информацию об авторе, а качество выполнения тега отражает как возраст, так и «умелость» автора. Если для подростков наиболее характерны теги с простым начертанием никнейма и элементами пробы разнородных стилей в формировании тега (этап поиска), то более старшие райтеры имеют относительно устойчивое уникальное начертание тега. В целом и сами работы, выполненные райтерами, через свою стилистику, набор художественных приемов, расположение говорят об авторах, когда зритель «считывает» визуальные признаки и маркеры авторства. Кроме того, большинство авторов граффити – это не маргиналы, реализующие асоциальное поведение, как, например, характерно для вандализма разбивания или вандализма сожжения, которые сопутствуют преступным деяниям (грабеж, хулиганство и пр.). В российских условиях зачастую авторы граффити – «интеллектуальная элита среди молодежи» [2], выбравшая вандально нанесенные тексты как инструмент самовыражения.

Цель (зачем?). При определении коммуникативной цели граффити мы опираемся на две основные цели высказывания, предложенные Т. Г. Винокур: «фатическую» и «информативную» [1]. Рассмотрим подробнее реализацию каждой из них:

1) информационная. Под информационной понимается вступление в общение, имеющее целью сообщения чего-либо [1]. В нашем случае посредством граффити сообщается какой-либо факт или транслируется чье-либо мнение (без коннотативных окрасок). Граффити могут транслировать рекламу запрещенных веществ. Приведем примеры реализации цели: *боже храни андеграунд; оскорбление является обычной*

наградой за хорошую работу; ты пытался, а я смог; концептуальный вандализм приведет к ремонту нашего подъезда и пр.;

2) фатическая. Сущность данной цели определяется как «желание привлечь к своей персоне, к своим мыслям и чувствам должное внимание, отметить свое присутствие» [13: 148] или же установить контакт с миром, обрести себя в этом мире, через коммуникацию осуществляется обряд инициации [13: 148]. Задача с данной целью может соотноситься несколько, ее можно представить «в виде набора частных коммуникативных интенций» [14: 116]. Для жанра несанкционированного граффити можно выделить следующий ряд интенций:

2.1) презентационная. К данному типу относятся граффити, целью которых является фиксация автора граффити в городском пространстве, стремление к установлению диалога с адресатами граффити. Например, к данному типу мы относим несанкционированный теггинг, а также надписи вроде: *Маша, не уходи; Саня – ЛОХ; а ты купи слона!; а что если мы с тобой споем?; Любимая, с днем рождения!* и т. д.;

2.2) оценочная или манипулятивная. Посредством граффити осуществляется манипуляция общественным мнением, «перехват» смыслового пространства и, как следствие, внедрение особого мнения автора граффити в массы. Данная коммуникативная цель может включать различные смысловые оттенки: призывы, эмоциональное влияние, обвинения, оскорбления, принуждение и пр. Используемые в данном случае языковые элементы, грамматические формы способны оказывать скрытое воздействие на адресата в интересах говорящего, например: *вместе не страшно; мир для мира; нет войне; за! Нищету; вешайся, уборщица! у меня новый маркер; делай добро и беги домой и пр.*

2.3) аффективная. Такие граффити передают эмоциональные состояния своих авторов. Как правило, граффити выполнены «на скорую руку», небрежно и отражают сиюминутное состояние, например: *любовь – это не отпустить его на войну; друг, извини, у меня никаких новостей мне, увы, больше нечем с тобой делиться. Я погас; выход есть, но я не знаю, где мне выйти и пр.*

3. Адресат (кому?). В монографии В. В. Дементьева говорится: «К сожалению, фактор адресата не всегда учитывается с должной полнотой при анализе речевых

жанров, хотя в них смыслообразующая роль адресата, казалось бы, гораздо более очевидна, чем в единицах более низких уровней» [15: 53]. В описании несанкционированного граффити как речевого жанра сделан акцент на факторе адресата, так как графические повреждения зачастую создаются не с целью «навредить», а с целью привлечь внимание, вовлечь в проблематику широкий круг адресатов. Последних можно дифференцировать на несколько типов:

- 1) субкультурный. Это представитель какого-либо сообщества, человек, включенный в специфический дискурс. Он легко понимает и прочитывает символику или специальную лексику даже существенно стилизованного граффити. Данный тип адресата обладает максимальной эрудированностью в области понимания смысловых нагрузок и инструментальных приемов граффити, что позволяет ему прочитывать максимальный объем и разнообразие вандально нанесенных текстов. Представителями данного типа адресата выступают, например, сами райтеры или лица, вовлеченные в какой-либо дискурс, в том числе политический;
- 2) событийный. Человек, вовлеченный в конкретную ситуацию, в конкретный контекст, который и дает ключ к расшифровке события, факта, транслируемого средствами граффити. Например, любой житель Екатеринбурга после событий «Скверного конфликта» (протесты в сквере Екатеринбурга в 2019 г.) однозначно понимает истоки и смысл граффити «Город бевсов», «Город смелых» и пр., однозначно связывая их с конкретными событиями (конфликтом вокруг сквера) и определенным городом (Екатеринбургом), даже если данные граффити территориально располагаются в иных городах;
- 3) общекультурный. Массовый адресат, считывающий смысл простых, однозначных вандальных повреждений, расположенных в доступных для него публичных пространствах города. Как правило, это обычный обыватель, обращение к которому со стороны автора формулируется упрощенно, с относительно небольшим количеством метафор или иносказаний.

Стоит отметить, что адресат и читатель граффити – это не всегда совпадающие роли. Читателем граффити может быть так называемый «неподготовленный зритель» [5], который, вынужденно сталкиваясь с вандально нанесенными текстами в пространстве города, прочитывает их, но не понимает их смысловую нагрузку, не осознает ее в силу собственной незаинтересованности, неподго-

товленности или в силу того, что не является адресатом данного граффити по замыслу автора.

4. Содержание (что?). Анализ графических повреждений городского пространства позволил обозначить два укрупненных семантических поля, отвечающих за содержание граффити:

- *семантическое поле «Субкультура».* Семантическое поле включает графические повреждения, авторами которых являются представители консолидированных групповых образований, имеющие ярко выраженные общие культурные особенности. Среди таких групп могут быть различные субкультурные объединения, в том числе политически активные – А. У. Е., националистические объединения, антифашисты, футбольные фанаты, граффити, хиппи и др. Через графический вандализм адресату предлагается экспликация информации, которая, в свою очередь, возможна благодаря специальным фоновым знаниям адресата. Экспликация информации провоцирует углубление в подтекст сообщения и доступна к пониманию только отдельными группами лиц. Например, *искусство требует стен!; magic marginal, нет моб(г)илизации + символ «пацифик»; вандализм – зло; это наша земля мы за нее в ответе + символ «коловорот»; АУЕ березита и пр.;*
- *семантическое поле «Бытовая коммуникация».* Граффити данной группы направлены на установление знакомств, отращение, причем зачастую сиюминутное, внутреннего мира говорящего, его мыслей и чувств, а также на реализацию стремления к поддержке контакта и решению социальных или бытовых проблем. В рамках данного объединения целесообразно рассматривать не только граффити, которые содержат обращения и осуществляют взаимодействие в виде мессенджера, поздравления с днем рождения и др., но и такие надписи, которые транслируют морально-этические нормы, передают контактную информацию, рекламу, различные смыслы через философские рассуждения, побуждающие адресата к размышлениям. Иногда графические повреждения нацелены на закрепление действий субкультуры граффити в сознании адресата как чего-то идеализированного, имеющего место быть в контексте социума и т. п. Иными словами, все это совокупность вариантов графического вандализма, содержанием которых является бытовая коммуникация, понятная массовому адресату. Например, *порхай, как бабочка жаль, что ты ЛОХ;*

какие умные мы ведем разговоры, и какую глупую жизнь мы ведем!?!; лето прошло...наконец-то растаял снег...; ЧЕЛОВЕК! Сохраняй решимость...; вакцины – яд!!; нет войне!!! Да термоядерной войне» и пр.

3. Коммуникативное время (Когда?).

С позиций коммуникативного времени можно оценить жанр и в момент создания текста, и в момент его восприятия. Нанесенные граффити изначально претендуют на долговременность, но у каждого графического повреждения есть свой временной отрезок, определить который сложно. Сказанное зависит от нескольких факторов: это место нанесения (оживленные, центральные (туристические) части города или пространство, которое закрыто от большого количества «зрителей»; содержание графического повреждения (графффити на политические темы, потенциально опасные, содержащие экстремистские призывы и пр. уничтожаются коммунальными службами гораздо быстрее). Наконец, много зависит от времени суток, когда случается акт вандализма. С другой стороны, время восприятия текстов, по характеристике Н. И. Тюкаевой, носит спорадический характер [10: 162]. Те надписи, которые надолго сохраняются на объектах городского пространства, многократно прочитываются горожанами, могут иметь значительное количество адресатов, относящихся к разным группам, что делает повреждение вневременным. Другие граффити, которые быстро удаляются коммунальными службами, имеют «короткий жизненный цикл», хотя тоже прочитываются некоторым количеством реципиентов;

4. Языковой код. Оценка жанра графических повреждений с точки зрения языкового воплощения демонстрирует многообразие средств лексических, морфологических, синтаксических, словообразовательных и пр. уровней языка, использование которых позволяет авторам текстов точнее донести мысль до адресатов. Выбор тех или иных языковых средств обусловлен опытом и креативностью уличных художников.

Варианты языкового кода были выделены нами на основе анализа языкового материала, а также верифицированы посредством работы с экспертной группой, в состав которой входило восемь представителей научно-педагогического сообщества вузов Екатеринбурга – специалистов в области психолингвистики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, психологии. Каждому эксперту предлагалась оценка изображений графического вандализма, а также перечень групп вариантов языкового воплощения, к которым могут быть

отнесены эти изображения. Целью экспертизы было соотнесение примеров графического повреждения городского пространства и определенной нами группы языкового воплощения, к которой его можно отнести. Наиболее частотными вариантами языкового воплощения являются:

- 1) *языковая игра.* Формы трансляции мысли, предполагающие приложение интеллектуальных усилий для расшифровки смысла графического повреждения. Вандальные тексты умышленно искажены, видоизменены на разных уровнях: графическом, морфологическом, синтаксическом, стилистическом, лексическом. Таким образом, графические повреждения могут быть представлены в виде:
 - 1.1) трансформации слова с помощью супраграфемных средств (изменение цвета и размера букв, варьирование шрифта, использование поэтического способа передачи информации, подчеркивания текста и т. п.). В качестве примера приведем рис. 1. Перед нами фраза «нет пути назад» в состав которой цветовым решением (выделение красным цветом) включена фамилия президента. Таким образом, адресат по-новому считывает смысл фразы, контекст которой передает негативный оттенок;
 - 1.2) трансформации слова с помощью переключения языковых кодов, когда «накладываемое» слово обозначается буквами другого языка;
 - 1.3) трансформации слова с помощью наложения рисунков на буквы;
 - 1.4) трансформации слова с помощью небуквенных символов (знаков);
 - 1.5) сочетания текста и рисунка, взаимодополнение которых позволяет адресату отразить полный смысл графического повреждения. Языковая игра является самым распространенным языковым кодом графических повреждений;
- 2) *повседневный якорь нелогичности (абсурдизация).* Абсурдизация характерна для графических повреждений, включающих разные, типичные для повседневности стимулы (как вербальные, так и визуальные), используемые или преобразованные не в соответствии с их функциональным назначением, способные вызвать прочную новую ассоциативную связь на эмоциональном уровне. Так, например, на рис. 2 графическое повреждение представлено в виде некой характеристики деятельности вандала и его образа, или инструкции к осуществлению запрещенной деятельности: молодой человек, совершающий

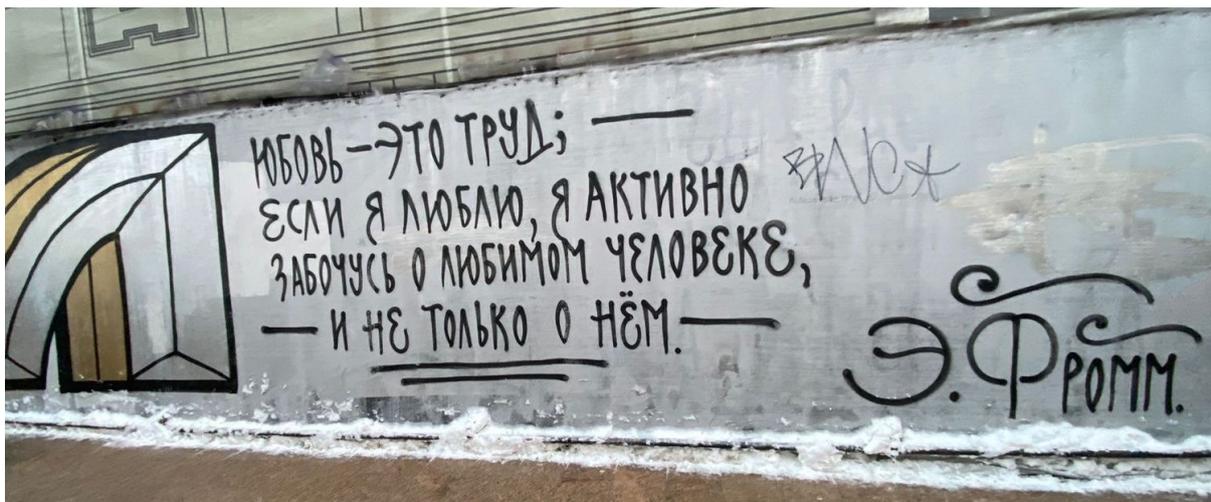

Рис. 1. Прецедентный текст. Москва, декабрь 2023 г.
Fig. 1. Precedential text. Moscow, December 2023

Рис. 2. Графическое повреждение, транслирующее характеристики деятельности вандаля и его образа посредством абсурдизации. Екатеринбург, октябрь 2020 г.
Fig. 2. Graphic damage that conveys the characteristics of the vandal's activity and his image through absurdization. Ekaterinburg, October 2020

преступление ночью, — он быстро наносит на стены граффити. Замыкает текст фраза «белая раковина», провоцирующая непонимание у адресата общего смысла и места этой фразы в данном контексте. Возникает вопрос: какое отношение белая раковина имеет к субкультуре граффити? Абсурдность включения фразы в контекст и является якорем нелогичности. Дополнительным, привлекающим внимание фактором является форма подачи смысла — стихотворный формат текста.

В языковом отношении репертуар средств графических повреждений включает риторические приемы, средства образной выразительности, тропы (обороты в переносном значении и фигуры речи), отсылки к прецедентным феноменам, частотность инфини-

тивных предложений, выражающих семантику побуждения адресата речи к совершению какого-либо действия, а также «предоставляющих возможности для эмоционального и афористического выражения мысли» [3: 74]. В качестве примера приведем вариант апелляции к прецедентности. На рис. 3 изображены фрагменты городского пространства Екатеринбургa, которые с легкостью узнаваемы жителями и знатоками города. Фраза, дополняющая визуальную часть, отсылает к известному тексту произведения Л. Б. Гераскиной «В стране невыученных уроков», а намеренное отсутствие знаков препинания предлагает читателю самостоятельно сделать умозаключение по поводу общего смысла несанкционированного граффити.

Языковой код графических повреждений многообразен, а использование тех или иных языковых средств зависит от интенции автора. Чаще всего граффити создаются на оживленных пространствах, что отражает стремление привлечь внимание общества к той проблеме или вопросу, который в момент осуществления акта вандализма наибольшим образом тревожит создателя текста.

Рис. 3. Пример завандаливания чужих работ.
Санкт-Петербург, сентябрь 2023 г.

Fig. 3 Example of vandalism of other people's works.
St. Petersburg, September 2023

5. Социальная оценка. В социальной оценке вандажные графические повреждения городской среды воспринимаются неоднозначно и противоречиво. Как показали наши прежние исследования [16], сам феномен вандализма обычно ассоциируется с ущербом, наносимым разрушением и агрессией (до 75% из 1047 опрошенных жителей Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Самары и Владивостока). Вандажные повреждения городской среды в большинстве своем негативно воспринимаются жителями, так как зачастую формируют неприглядный внешний вид городского пространства. Кроме того, такие повреждения провоцируют появление новых следов графического разрушения пространства, а их накопление в одной локации способствует деградации пространства. В то же время следы вандализма наносят урон не только

сохранности материального пространства города, но и психологическому благополучию жителей, сталкивающихся с вандажно преобразованными объектами городской среды. Объекты с вандажными преобразованиями воспринимаются как «сломанные», «грязные», «испорченные», «ветхие» и т. п.

При этом вандажные граффити вызывают раздражение и сожаления гораздо реже, чем остальные формы вандализма (менее 20% опрошенных). В целом, к вандажным граффити с любопытством или даже одобрением относятся до 40% опрошенных [16]. Чаще всего вандажные граффити одобряют представители молодежи, трактуя их как новаторскую форму творчества и самовыражения. Более старшие поколения, не привыкшие к рассмотрению городского пространства как площадки для несанкционированного стихийного творчества, чаще проявляют неодобрение к графическим повреждениям.

Существенную роль в формировании оценки по отношению к вандажным граффити играет позиция оценивающего, это могут быть, к примеру, обыватель, исследователь уличного искусства или член субкультурного сообщества. Вовлеченность в субкультуру райтеров позволяет субъекту идентифицировать себя с автором и его позицией, рассматривать вандажное графическое повреждение в аспекте его художественной выразительности, художественного мастерства и социальной смелости, что приводит к трансляции положительного отношения к самому жанру. В свою очередь, наличие познавательного интереса, рассмотрение отдельных вандажных повреждений через призму научного подхода или искусствоведческой оценки приводит к толерантному отношению к самому феномену вандажных граффити со стороны исследователя. Однако несанкционированные изменения городской среды обыватель реже рассматривает с обозначенных ракурсов, трактуя их чаще как деформацию и деструкцию городской среды, интерпретируя их нарочитую небрежность и неформальность как хулиганство и признак девиантного поведения. Сказанное потенциально несет угрозу безопасности обывателя и является демонстрацией посягательства на частную собственность со стороны райтера. Стоит отметить, что один и тот же субъект в различных ситуациях может оценивать жанр вандажных граффити (или их отдельные примеры) с разных позиций (в зависимости от ситуации и от собственных интересов). Так, например, райтер, на работе которого в пространстве города другой уличный художник разместил свою работу, реагирует на данный факт как на нарушение его личных границ (рис. 4). Реакция связана с возмущением

и негативной оценкой данной ситуации, хотя сама суть жанра вандажных граффити предполагает их нелегитимность, в том числе несогласованность вообще с кем либо, включая автора ранее нанесенных изображений.

Рис. 4. Отсылка к прецедентному тексту. Екатеринбург, 2021 г.

Fig. 4. Reference to precedent text. Yekaterinburg, 2021

Думается, что изложенное выше дает возможность неоднозначно оценивать рассматриваемый жанр с точки зрения его социальной сущности.

6. Когнитивная доминанта жанра. Под когнитивной доминантой жанра граффити понимается ключевое (наиболее частотное) смысловое единство, объединяющее все проявления граффити повреждений городского пространства. В данном случае подчеркнем, что доминанта выделена с учетом специфики несанкционированных граффити. Таким смысловым стержнем является «ПРОТЕСТ». Доминантой в рассматриваемом жанре является очевидная направленность на проявление протестных настроений конкретного автора граффити, способного оказывать влияние на сознание аудитории, на мнение и картину мира адресата, которая представляет собой набор знаний, ценностей, убеждений. Прагматические задачи в данном смысловом единстве обуславливают выбор когнитивных структур и средств их репрезентации посредством языка и невербальных компонентов. Под когнитивными структурами мы понимаем (вслед за В. С. Григорьевой) «знания, тематического, социокультурного, этнокультурного, личностного, языкового характера в соответствии с которыми адресант избирает соответствующие стратегии, тактики и когнитивные

механизмы воздействия [17: 286, 287]. Сам жанр несанкционированного граффити – это и есть проявление протеста личности против системы, социальных правил или политических направлений. Реализация выделенной доминанты осуществляется различными когнитивными механизмами.

Включение данного параметра в описание жанра вандажных граффити является важной стороной и позволяет оценить его прагматический потенциал. В данном случае мы обращаем внимание на специфику тех граффити повреждений, которые содержат негативные коннотации, способствуют формированию неправильного общественного мнения. Материальный ущерб не единственная проблема последствий вандализма. Гораздо сложнее исправлять когнитивные последствия влияния. Вандализм может оказывать скрытое воздействие на установки наблюдателей, а многократное восприятие его посланий – на создание условий для изменения взглядов и позиций человека.

Заключение

Жанровая специфика вандажных граффити повреждений городского пространства определяется совокупностью параметров, которые позволяют учитывать как собственно лингвистическую специфику, так и экстралингвистический компонент, влияющий на полноценное представление жанра. В результате настоящего исследования жанр граффити повреждений городской среды представлен в виде описания таких параметров, как авторы и общая цель повреждений, в рамках которой выделяется две дополнительные цели: фатическая и информативная. Фатическая, в свою очередь, представлена в виде набора частных коммуникативных интенций: презентационной, оценочной или манипулятивной и аффективной. Описан адресат жанра, дифференцированный по группам: 1) субкультурный, 2) событийный, 3) общекультурный. Содержательный компонент жанра представлен в виде семантических полей: «Субкультура», «Бытовая коммуникация». Описано коммуникативное время жанра, изначально претендующее на долговременность, хотя у каждого граффити повреждения свой временной отрезок, определить который достаточно сложно. В языковом отношении репертуар средств граффити повреждений разнообразен – широко представлены варианты языковой игры на разных уровнях языка: лексическом, морфологическом, синтаксическом, словообразовательном и пр. Частотны риторические приемы, средства образной выразительности, инфинитивные предложения, использование прецедентных текстов. В описании жанра

делается акцент на социальную оценку. Выделяется когнитивная доминанта жанра – смысловое единство «ПРОТЕСТ». Реализация выделенной доминанты осуществляется различными когнитивными механизмами.

В исследовании мы подчеркиваем, что жанр несанкционированных графических повреждений содержит негативные коннотации, способствующие формированию неправомерного общественного мнения. Материаль-

ный ущерб не единственная проблема последствий вандализма. Гораздо сложнее исправлять когнитивные последствия влияния: несанкционированные граффити, имея определенное семантическое наполнение и активную форму бытования в пространстве города, может оказывать скрытое влияние на установки наблюдателей, а многократное восприятие его посланий – на создание условий для изменения взглядов и позиций человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винокур Т. Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелёва. М. : Наука, 1993. С. 5–29.

2. Буга М. А. Дуализм феномена граффити // Язык. Текст. Книга: материалы II Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 25 апреля 2019 г.). Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2019. С. 12–17.

3. Никитина Л. Б., Голошубина О. К. Языковое воплощение речевого жанра «разговор в мессенджере»: типичные реализации // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 3 (16). С. 72–76.

4. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М. : Добросвет, 2009. 387 с.

5. Шугуров П. Е. Уличное искусство Владивостока. Причины отсутствия // Первая открытая научная конференция исследователей стрит-арта в рамках III Форума уличного искусства: материалы / отв. ред. А. Нистратова, Н. Каш. СПб. : Институт исследования стрит-арта, 2023. 387 с. С. 87–94.

6. Лейдерман Н. Л. Теория жанра: исследование и разборы. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2010. 904 с.

7. Кружкова О. В., Воробьева И. В. Психология вандализма: монография. Екатеринбург : УрГПУ, 2015. 304 с.

8. Зенкова А. Ю. Визуальные исследования как интегральная область социально-гуманитарного знания // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2004. № 5. С. 184–193.

9. Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2013. 194 с.

10. Тюкаева Н. И. Граффити как жанр естественной письменной русской речи : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2005. 227 с.

11. Алтухова Т. В. Электронные и рукописные жанры естественной письменной речи: сопоставительный аспект (на примере граффити и записей на электронной стене) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 2 (50). С. 110–116.

12. Лебедева Н. Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. 2001. № 1–2. С. 4–10.

13. Антипов А. Г. «Естественные» дискурсы: креативность VS культурогенность // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. II. Теория и практика современной письменной речи : материалы конф. / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 145.

14. Дементьев В. В. Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 109–118.

15. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.

16. Культурный код вандализма: опыт кросс-культурного исследования / М. Р. Бабилова, О. А. Блинова, И. В. Воробьева [и др.]. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2021. 303 с.

17. Григорьева В. С. Рекламный дискурс через призму когнитивных доминант его организации // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2020. № 62. С. 283–297.

REFERENCES

1. Vinokur T. G. Informative and phatic speech as the detection of different communicative intentions of the speaker and listener. *Russkij jazyk v ego funkcionirovanii*. *Otv. red. E. A. Zemskaya, D. N. Shmeleva* [Zemskaya E. A., Shmeleva D. N., eds. Russian language in its functioning. Communicative-pragmatic aspect]. Moscow, Nauka, 1993, pp. 5–29 (in Russian).

2. Buga M. A. The dualism of the graffiti phenomenon. *Jazyk. Tekst. Kniga: materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii (Ekaterinburg, 25 aprelya 2019 g.)* [Language. Text. Book: Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference (Ekaterinburg, April 25, 2019)]. Ekaterinburg, Ural State University Publ., 2019, pp. 12–17. Available at: <http://hdl.handle.net/10995/78115> (accessed October 15, 2023) (in Russian).

3. Nikitina L. B., Goloshubina O. K. Language embodiment of speech genre conversation in the messenger: typical realizations. *Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanities studies*, 2017, no. 3 (16), pp. 72–76 (in Russian).

4. Bodrijar Zh. *Simvolicheski obmen i smert'* [Symbolic exchange and death]. Moscow, Dobrosvet, 2009. 387 p. (in Russian).

5. Shugurov P. E. Street art of Vladivostok. Reasons for absence. *Pervaja otkrytaja nauchnaja konferencija issledovatelej strit-arta v ramkakh III Foruma ulichnogo iskusstva: materialy*. *Otv. red. A. Nistratova, N. Kash* [A. Nistratova, N. Kash, eds. The first open scientific conference of street art researchers within the framework

of the III Street Art Forum: Materials]. Saint Petersburg, Street Art Research Institute Publ., 2023, pp. 87–94 (in Russian).

6. Lejderman N. L. *Teoriya zhanra: issledovanie i razbory* [Theory of genre: Research and analysis]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2010. 904 p. (in Russian).

7. Kruzhkova O. V., Vorob'eva I. V. *Psihologija vandal'nogo povedenija* [Psychology of vandal behavior]: Monografija. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2015. 304 p. (in Russian).

8. Zenkova A. Ju. Visual studies as an integral area of social and humanities knowledge. *Scientific yearbook of the Institute of philosophy and law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2004, no. 5, pp. 184–193 (in Russian).

9. Voroshilova M. B. *Politicheskij kreolizovannyj tekst: kljuchi k prochteniju* [Political Creolized Text: Keys to Reading]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2013. 194 p. (in Russian).

10. Tjukaeva N. I. *Graffiti as a genre of natural written Russian speech*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Barnaul, 2005. 227 p. (in Russian).

11. Altukhova T. V. Electronic and handwritten genres of natural writing: A comparative aspect (an analysis of graffiti and electronic wall posts). *Bulletin of Kemerovo State University*, 2012, no. 2 (50), pp. 110–116 (in Russian).

12. Lebedeva N. B. The Russian naive written speech as the object of linguistic research. *Vestnik Barnaulskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*, 2001, no. 1–2, pp. 4–10 (in Russian).

13. Antipov A. G. “Natural” discourses: Creativity VS culturogenicity. *Estestvennaja pis'mennaja russkaja rech': issledovatel'skij i obrazovatel'nyj aspekty. Pod red. N. D. Goleva* [Golev N. D., eds. Natural written Russian speech: Research and educational aspects. Part II. Theory and practice of modern written speech: Materials of the conf.]. Barnaul, Altai State University Publ., 2003. 145 p. (in Russian).

14. Dementyev V. V. Study of speech genres. Review of works in modern Russian studies. *Voprosy Jazykoznanija*, 1997, no. 1, pp. 109–118 (in Russian).

15. Dementyev V. V. *Teorija rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, Znak, 2010. 600 p. (in Russian).

16. Babikova M. R., Blinova O. A., Vorob'eva I. V. [i dr.] *Kul'turnyj kod vandalizma: opyt kross-kul'turnogo issledovanija* [Cultural code of vandalism: Experience of cross-cultural research]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2021. 303 p. (in Russian).

17. Grigorieva V. S. Advertising discourse through the prism of the cognitive dominants of its organization. *World of Linguistics and Communication: Electronic Scientific Journal*, 2020, no. 62, pp. 283–297 (in Russian).

Поступила в редакцию 16.10.2023; одобрена после рецензирования 24.11.2023; принята к публикации 24.11.2023; опубликована 29.11.2024

The article was submitted 16.10.2023; approved after reviewing 24.11.2023; accepted for publication 24.11.2023; published 29.11.2024